

# СКРИПАЧ

Кто-то отделился от дыма и пыли и, прижимаясь к земле, медленно продвигался. Немцы держат под огнем весь участок — стреляют по дезертиру. Пулемет стрекочет. Шум и грохот оглушает нас.

Двигающийся ползком человек окаменел. Может, был сражен пулей? Нет, он снова двигается, двигается прямо к нашим окопам. Вот он перешел ничейную полосу. Мы не стреляли, внимательно следили. Когда он оказался в десяти метрах от ме-

ня, я подбежал к нему, перевернул на спину. Ранен! Со лба сочится кровь, ноги не повинуются. Быстро достал перевязочный пакет, забинтовал голову. Из фляжки намочил ему губы. В испуге он испытующе посмотрел на меня, корчился, изредка выговаривал невнятные слова. Втянул его в окоп.

Вечером наши санитары с другими ранеными отправили в санчасть и раненого немецкого солдата.

Прошло несколько меся-

цев. В январский холодный день я был ранен в бою. Меня тоже отправили в тыл. Попал в госпиталь. Здесь оказался и знакомый немец, но почему-то со скрипкой. Солдаты в полушутку сказали, что он правнук композитора Шумана.

Каждое утро, во время физзарядки выздоравливающих солдат, он играл на скрипке. Как обычно, прижимал подбородком скрипку, невесть откуда взятую, играл весело. Говорил он по-русски, пользовался симпатией. Из-под его кудрей тянулись красноватые рубцы к виску. Был он очень молод, учился в Дрезденской консерватории. Всего два дня был в бою, два дня под огнем.

Мое лечение продлилось три недели. Скоро на фронт. Перед отъездом молодая девушка в армейской гимнастерке сфотографировала нашу группу. В центре — скрипач. Я не напоминал ему о нашей первой встрече. Наверно, он узнал меня, подошел, пожал руку, вежливо поклонился.

В прошлом году мой молодой друг Ованес, вернувшись из поездки в ГДР, сказал мне:

— Знаешь, я видел тебя на фотографии в одном из музеев Берлина! Это была группа наших солдат со скрипачом. Внизу — подпись: «Второй слева — советский солдат, который спас жизнь известного скрипача».